

АМНИСТИЯ

*(Речь, произнесенная на митинге в театре на Ноллендорфплац
18 октября 1927 г.)*

Перед объявлением амнистии, предвидя, что она не сулит ничего хорошего, я позволил себе внести одно предложение. Я требовал, чтобы рейхстаг принял закон, который сделал бы ненужной любую амнистию. Все политические приговоры через определенные промежутки времени должны пересматриваться и отменяться, если, во-первых, осужденный не пролил кровь и подвергся судебному преследованию за те или иные убеждения и если, во-вторых, обстановка в стране и умонастроение ее граждан изменятся до такой степени, что сохранение в силе старых приговоров покажется противоестественным. Я верю, что такой закон оказал бы иное воздействие, чем это недавнее подобие амнистии. Раньше других ощутили бы преимущества этого закона политические заключенные с любыми убеждениями.

Амнистия не распространялась бы, как теперь, только на заключенных, чьим убеждениям сочувствуют те, кто властен освобождать от ареста. Вы сможете оценить всю важность моего предложения, когда ознакомитесь с проектом нового свода законов. Ведь его составители, правда в запутанной и витиеватой форме, обязывают судей оправдывать только благонамеренных.

Что же произошло в действительности? В крепости Голнов шестнадцати политическим заключенным ми-

лостиво подарено в общей сложности двадцать семь месяцев, а одному, только одному, — семьдесят два месяца. Эти шестнадцать, разумеется, рабочие, тот один — офицер. Но в Голнове все еще было сравнительно пристойно, во всяком случае лучше, чем в других местах. В Рурской области двадцать четыре политических отбыли сообща сто восемьдесят семь лет каторги и девятнадцать лет тюрьмы. Помиловано было только пять, причем один освобожден на семь лет раньше. Однако ему угрожал новый арест. Он избежал его лишь благодаря помилованию. В Вюртемберге из девятнадцати заключенных помиловано было только четыре, причем вскоре же после амнистии было арестовано восемь рабочих. Восемь минус четыре, — правосудие и на этот раз выгадало четверых.

Хольц не был освобожден. Как это получилось? Он отказался от помилования. Никто не может быть помилован вопреки его желанию, — нет, правосудие не так бесчеловечно! Отказался бы он и от всеобщей амнистии? От амнистии, которая дала бы свободу и его товарищам? Вряд ли. Поэтому-то департамент юстиции побоялся предложить ему амнистию. И вот уже имеются веские основания к тому, чтобы только помиловать, но не амнистировать. Хольц, которого вся Германия считала невиновным, должен теперь уж и по-давно оставаться в тюрьме. Иначе судьи утратят свой престиж, так им это, по-видимому, представляется. Они все еще не понимают, что для них это не так уж просто. Они уже добились того, что даже добрый порыв с их стороны не принес бы им пользы, так как может вызвать в народе лишь недоверие — ведь это так не похоже на них. Прояви они справедливость — и престиж бы укрепился, но утратить, утратить его еще больше? Нет, это не каждому дано.

Вернемся к баварцам! Господа! Я был сурово принят большинством из вас, потому что не осудил публично единственную ошибку баварской юстиции. Но разве мало ошибок, заслуживающих большего внимания? Бывает такая степень отчаяния, что с этим ничего уже не поделаешь. Презрение к ним было настолько

сильным, что все от них отвернулись. Безграничное презрение порождает отчаяние.

Сейчас в Баварии якобы освободили республиканцев с 1919 года, всех, кроме двух. На самом деле их осудили условно, и срок их заключения кончается лишь в 1936 году. В течение этого времени их могут в любую минуту вновь упрятать в тюрьму. Достаточно жестоко и зло! Но это не идет ни в какое сравнение с теми условиями, в которых находится Линднер. Может быть, именно Линднера не нужно было задерживать! Любой другой мог быть примером несправедливого обращения, но ведь этот мясник Линднер — юридический близнец графа Арсо-Валлея. Это говорит о многом, куда больше, чем можно себе представить. Из-за Арсо процесс Линднера приобрел гласность и тенденциозность. Именно потому, что Арсо хладнокровно и расчетливо убил Айснера, Линднер слепо и бешено стрелял в Ауэра. Ауэр жив, Айснер мертв. Убийца Айснера уже давно освобожден из деликатнейшего заключения, отделавшись пустяковым штрафом. Теперь он оправдан полностью. К чему было подвергать его условному осуждению? Другого Айснера в Мюнхене нет. А Линднеру, его юридическому близнецу и единомышленнику, которого он подстрекал и увлек за собой, уготовано бессрочное заключение.

Почему?

Если по юридическим понятиям убийство Айснера не преступление, а заслуга, то чем же хуже Ауэр? Обе жертвы — социалисты, и для врагов марксизма все они одинаковы. Но преступники! Вот они-то не одинаковы. Ведь то, что можно графу, не дозволено мяснику. Не дозволено еще и потому, что этим поступком он умаляет «подвиг» графа. Точнее говоря, Линднер осужден не за покушение на Ауэра, этот-то правосудию безразличен, а за умаление графской чести, поскольку он посмел повторить «подвиг» героя. Если предположить, что Ауэр, преисполненный наивного гуманизма, просил бы помиловать своего врага, из этого ничего бы не вышло. Его могли помиловать только по ходатайству Арсо. Но в том-то и дело: тот, кто может стрелять в

Айснера, не способен просить за того, кто стал преступником по его вине.

Так работает правосудие. Оно одобряет лишь холодный расчет и окольные действия. Но в этом лабиринте рождаются приговоры. Отсюда берет начало право. То, что сегодня оправдано, завтра будет осуждено. Приговоры, свидетелями которых мы были и будем, соответствуют духу так называемой амнистии. Это все те приговоры, которые трусливая республиканская пресса изо дня в день называет непонятными, вероятно потому, что на самом деле суть их не оставляет никаких сомнений. Это судьи, которые и во сне не смогли бы вынести одинаковый приговор двум одинаковым преступникам.

Зато они, сочувствуя убеждениям одного, одобряют по существу то, что должны осуждать, и сообразно этому мстят тем, кто придерживается противоположных взглядов. В чудовищности своих поступков они убеждались не раз. Это бездумные служаки, приверженцы идеи, той реакционной идеи, от которой не раз отворачивалась передовая часть нации.

Да и как может большинство народа быть сознательно реакционным! Если это случается, то лишь по недомыслию, — ведь это против их собственных интересов. Взгляды таких судей искренне поддерживает лишь небольшая прослойка. За ними меньшинство. В обществе они одиноки, по-настоящему одиноки.

Это следует разъяснить.

Говорят: профессиональная замкнутость, черствость, консерватизм. Думаю, что дело не только в этом. Тогда им следовало бы больше держаться друг друга. Между тем есть же судьи, которым близки интересы народа, они верят в его животворные силы и готовы на жертвы ради него.

Ведь сейчас очень трудно быть справедливым и выносить справедливые приговоры. Честные судьи, которые вопреки всему есть у нас, должны быть мужественными людьми. Сама структура нашего общества такова, что в нем все еще нет места справедливости. Что может противопоставить этому даже судья? Ему

самому приходится расплачиваться дорогой ценой за стремление быть справедливым.

Такие слывут гуманными. Другие же являют собой исключение, это судьи принципиально и вызывающе несправедливы, они несправедливы потому, что не питают уважения к существующему порядку.

Республика утвердилась, но ее чиновники, военные, ее официальные представители чувствуют себя при таких судьях только уверенней, поскольку республика им тоже не по душе. Каприз? Легкое безумие? Выходит ли это за пределы человеческого разума? Отнюдь нет. Эти люди вовсе не уверены в возвращении монархии, но они не считают незыблемой и плутократию. Да и почему они, скверно оплачиваемые чиновники, должны нежно пестовать порядок, при котором властвуют деньги? Они, как и любой, знают, что нравственная сила, гуманность чаще всего — достояние других. У наших судей нет слепого преклонения перед порядками, которые утвердились уже в большей части мира. Они не заявляют суеверно и простодушно, как судья Тауэр: «Обвиняемые виновны в любом случае, ибо они против существующего порядка». Вряд ли в Германии найдутся такие дураки. Судьи не так глупы.

Но прежде всего они хотят жить, а в критические времена самое простое — это признать правыми власть имущих и так блюсти существующий порядок, чтобы внушать страх. Сильнее всего им хотелось бы вознести на недостижимую высоту судей, чтобы общество преклонялось перед ними, сделать правосудие всемогущим и устрашающим. Существенно ли они отличаются от своих современников? От самоуверенных промышленников, социалистических лидеров? Или от их духовных врагов националистов? Сильно ли отличаются помыслы судей от диктаторских устремлений многих и многих? Разумеется, что положение судей вынуждает их действовать как диктаторов и ни перед кем не отчитываться.

Наша эпоха — это эпоха кричащих противоречий. Наше общество — это общество с ограниченной ответственностью. Повсюду диктаторы, а у нас судьи.

Те и другие всегда поступают наперекор желаниям народа, требующего прежде всего честности и справедливости. И при всем этом такие судьи — естественное порождение наших общественных отношений. Поголовно все заражены сейчас абсолютизмом. Этого не заметно у подавляющего числа наших современников, но только потому, что у них вообще ничего не заметно.

Если они в какой-то мере разделяют и другие убеждения, то только из слабости и из чисто технических соображений, потому что нуждаются в клапане. Они делают это вовсе не из-за либерализма. Либерализм — это воззрение, которое не только терпит, но и примиряет разнообразные взгляды, считая такую линию прогрессивной. Либерализм — это убежденная терпимость. Он покровительствует критике. Он порождает скепсис.

Но современные немощные борцы за жизнь не терпят скепсиса, скоро они начнут чураться и критики. Мы абсолютисты и заслужили, я чуть было не сказал по праву, таких судей.

Нет, мы их не заслужили. Никогда и ни при каких обстоятельствах судьи не должны забывать о том, что из чувства справедливости они не смеют судить людей. Что они находятся на посту, искони облеченном глубочайшим доверием. Что только редкая скромность может искупить высокомерие, издавна свойственное их профессии. Что если беззаветная справедливость поднимает их бесконечно высоко в глазах людей, то отступление от нее означает падение.

Судьи с диктаторскими замашками должны сложить оружие. Полная и безоговорочная амнистия могла бы изменить порядок ведения новых дел. В том случае, если не будет амнистии, он должен быть построен так, чтобы судьи, опираясь на него, не могли бы из политических предубеждений гноить своих противников в тюрьмах. Закон, которого я требую, разрешает эту проблему. Он смягчил и сделал бы недействительной постыдную практику, узаконенную в новом своде законов и допускающую произвол в судопроизводстве в зависимости от убеждений судей.

То что я предлагаю, не есть нечто фундаментальное и законченное. Было бы не трудно требовать более жестких мер. Я все больше думаю о них, поскольку это представляется достижимым. Более жесткие и окончательные меры по отношению к юстиции — дело будущего. Для начала же я прошу вас подумать об освобождении политических заключенных, поскольку положение в стране и умонастроение ее граждан изменились и условий, при которых они были осуждены, больше не существует.